

- Материалы по римской истории до Пунических войн, «История в средней школе», № 2, стр. 36—45.
- Материалы по Римской истории. Кризис республики, «История в средней школе», № 4, стр. 6—27.
- Материалы по Римской истории. Римская империя (за 500 лет ее существования), «История в средней школе», № 5, стр. 8—28.
- Объединение Средиземноморского бассейна под гегемонией Рима, «История в средней школе», №№ 2, 3, стр. 40—57 и 30—61.
- Революция рабов в Римской республике, «Борьба классов», № 6, стр. 50—69.
- Реформы братьев Гракхов, Горький, Облгиз, 15 стр.
- 1936 год. Гражданская война в Риме в конце республики (Гракхи), «Борьба классов», № 9, стр. 90—101.
- Христианство в древнем Риме, «Борьба классов», № 5, стр. 81—93.
- Эпоха военных диктатур конца Римской республики, «Борьба классов», № 8, стр. 85—97.
- 1937 год. Второй триумvirат и падение Римской республики, ИЖ, № 9, стр. 63—76.
- Заговор Катилины, ИЖ, № 2, стр. 86—96.
- Триумvirат и диктатура Юлия Цезаря, ИЖ, № 5, стр. 95—109.
- Программа по истории древнего Рима, М., МГУ, 22 стр.
- 1938 год. Очерки по истории древнего Рима. Учебное пособие для истфаков, М., Соцэкгиз, 1938, ч. 1, 372 стр.; ч. 2, 832 стр.
- Греческая мифология (консультация), ИЖ, № 4, стр. 118—122.
- О построении истории Рима в «Истории древнего мира», АН СССР (совместно с Н. А. Машкиным), ВДИ, № 3 (4), стр. 345—350.
- Очерки по истории поздне-римской империи, «Историк-марксист», кн. 3 (67), стр. 53—79.
- Очерки по истории поздне-римской империи. Римская империя в последноклетьяновский период (продолжение), «Историк-марксист», кн. 5(69), стр. 97—128.
- Принципат Августа, ИЖ, № 1, стр. 98—141.
- Принцессы династии Клавдиев, ИЖ, № 6, стр. 87—99.
- Разложение рабовладельческой системы и начало колоната в Римской империи, ВДИ, № 3 (4), стр. 117—132.
- 1939 год. История древней Греции, М., Соцэкгиз, 400 стр.
- Эгейский мир, ИЖ, № 6, стр. 79—91.
- Греческая культура классического периода, Баку, 44 стр. (на азерб. яз.).
- 1940 год. Нариси з історії стародавнього Рима. Ч. 1 — Рим за царського періоду, Республіка, Київ, 315 стр.
- Принципат Тиберия, ВДИ, № 2 (11), стр. 78—95.
- Римская империя (последние Антонины и Северы), ИЖ, № 3, стр. 109—121.
- 1941 год. Дипломатия древнего Востока, в кн.: «История дипломатии», под ред. В. Потемкина, т. I, М., Соцэкгиз, гл. I, стр. 18—34.
- Дипломатия древней Греции, там же, гл. II, стр. 35—57.
- Дипломатия древнего Рима, там же, гл. III, стр. 58—88.
- История античного мира в средней школе. Рецензия на книгу «История древнего мира». Учебник для 5—6 кл. под ред. А. В. Мишулина, ИЖ, № 2, стр. 125—127.
- П о с м е р т н о е   и з д а н и е.
- 1948 год. История древней Греции. Под ред. Н. А. Машкина и А. В. Мишулина. 2-е изд. (посмертное) испр. и дополн., М., Госполитиздат, 552 стр.

Составлено Научным кабинетом
Института истории АН СССР

П. Н. КУДРЯВЦЕВ КАК ИСТОРИК ДРЕВНЕГО МИРА

Один из видных историков 40—50-х гг. прошлого столетия, профессор Московского университета Петр Николаевич Кудрявцев (1816—1858) занимает почетное место в плеяде представителей кафедры всеобщей истории старейшего русского университета. Как и его учитель Т. Н. Грановский, Кудрявцев не был специалистом по древней истории в узком смысле слова. С большим основанием его можно отнести к медиевистам. Все же, как и большинство всеобщих историков Московского университета, он в своих научных трудах уделял истории древнего мира видное место.

Переломной эпохой в деле преподавания и изучения всеобщей истории вообще и древней истории, в частности, были конец 30-х и 40-е гг., когда на кафедру Московского университета вступили молодые, талантливые русские ученые — Д. Л. Крюков, Т. Н. Грановский, позднее П. Н. Кудрявцев. Д. Л. Крюков, опубликовавший любопытное и оригинальное исследование о религии патрицеев и плебеев, читал курс по древней истории, вызывавший большой интерес слушателей. Деятельность этого выдающегося ученого рано оборвалась. После его смерти преподавание древней истории перешло к Т. Н. Грановскому, имевшему исключительные заслуги в деле преподавания всеобщей истории в университете и пользовавшемуся далеко выходящим за стены университетской аудитории культурно-общественным влиянием.

Ближайшим и любимым учеником Грановского был П. Н. Кудрявцев, который стал и его преемником по кафедре. Еще в студенческие годы Кудрявцев отличался редкой работоспособностью, серьезным и внимательным отношением к занятиям, глубоким изучением первоисточников. Попутно Кудрявцев увлекался и художественной литературой, выступая в качестве беллетриста под псевдонимом А. Нестрова. На этой почве у Кудрявцева завязались дружеские отношения с В. Г. Белинским, не прекращавшиеся до самой смерти великого критика—революционного демократа. Позднее Кудрявцев живо интересовался вопросами внешней политики и вел «иностранные обозрения» в «Русском вестнике», уделяя особое внимание национально-освободительному движению в Италии, направленному против реакционного австрийского диктаторского режима. По своим общественно-политическим взглядам П. Н. Кудрявцев был буржуазным либералом, видным представителем передовых кругов московской профессуры 40—50 гг.

П. Н. Кудрявцев, считавшийся «западником», вовсе не склонен был преклоняться перед западноевропейскими учеными. Он вполне самостоятельно и нередко строго критически расценивал их труды. Не стеснялся он критиковать и признанные авторитеты. П. Н. Кудрявцев придавал огромное значение занятиям русских ученых вопросами всеобщей истории. Выступая горячим пропагандистом русской науки, он сто лет назад в предисловии к своей магистерской диссертации писал: «Между тем, конечно, не будет спорить против важности и даже необходимости самостоятельного изучения главных событий истории Запада и в нашем отечестве. Если нужно обосновать независимость наших собственных суждений в деле всеобщей истории, то достигнуть этого мы можем не иначе, как самостоятельно и особенно за последнее десятилетие. Они предполагают известную степень зрелости сознания, на которой исторические знания вообще становятся одною из первых умственных потребностей. Не забудем при этом, что для полноты исторического созерцания необходима сравнительная точка зрения, а она может быть приобретена лишь основательным знакомством, кроме отечественной истории, с прочими частями всеобщей истории человечества»¹. Пять лет спустя, разбирая магистерскую диссертацию своего ученика С. В. Ешевского об Аполониане Сидонии и с законной гордостью отмечая ее преимущества перед трудами либералов, П. Н. Кудрявцев писал: «Нельзя иметь в руках лучшего доказательства, что изучение всеобщей истории поистине спешит у нас и начинает приносить

¹ П. Н. Кудрявцев, Судьба Италии от падения Западной римской империи до восстановления ее Карлом Великим, М., 1850, стр. III—IV.

плоды. Мы всегда были за него и радуемся каждому новому его успеху. Нам всегда приятно было думать, что рядом с деятельной разработкой русской истории может идти у нас и основательное знакомство с общими историческими вопросами»¹.

О постоянном интересе к античности и о специальных занятиях по древней истории наглядно свидетельствуют опубликованные труды П. Н. Кудрявцева, к рассмотрению которых мы теперь и перейдем.

Вопроса о значении древней истории в общем аспекте П. Н. Кудрявцев касается в двух статьях, посвященных проблемам истории как науки. Первая из них — «О достоверности истории», напечатанная в журнале «Отечественные записки» за 1851 г.², была вызвана опубликованием на шумевшего в свое время «мемуара» тогдашнего президента Академии Наук графа С. С. Уварова под громким и претенциозным заглавием «Достовернее ли становится история?». В этом «мемуаре» сиятельный дилетант лихо расправлялся с историей, уличая ее в недостоверности, неточности, свысока и побарски критикуя и источники и историков с древних времен и до самого последнего времени. Вот, например, как он одним махом ниспровергал всю древнюю историю: «Нет сомнения, что история древних времен основана на догадках: она скорее дело веры, нежели обсуждения. Зато и вынуждены мы допустить ее едва ли не в том виде, в каком построили нам ее поэты, историки и риторы»³. Против этого наскока николаевского вельможки на историю и выступает Кудрявцев. Правда, ему приходилось полемизировать в «белых перчатках», но все же он вполне конкретно и убедительно показал всю несостоятельность и нелепость поверхностных рассуждений Уварова. Оперировав данными источников и новейшей разработки истории древнего мира, останавливаясь на замечательных открытиях в области древнейших культур Востока, Кудрявцев пишет: «Нельзя более называть гадательным того, что по крайней мере многими своими сторонами стало доступно отчетливому разумению... История перестает быть делом одной веры, когда для нее открывается возможность проверки...» (т. I, стр. 5). Говоря о крупных достижениях Вольфа и Нибура в изучении истории древней Греции и Рима, Кудрявцев полемизирует с неправильным толкованием их критического метода в «мемуаре» Уварова. Последний довольно неуклюже пытался взять в союзники Нибура и приписать его критике римской традиции какой-то односторонний гиперкритицизм. Кудрявцев, как и Грановский, высоко расценивавший значение критической работы Нибура, считает, что было бы крайней несправедливостью видеть в трудах Нибура только сомнения, вопросы и только одно отрицание. «Оттого-то, — пишет он, — и прочен авторитет Нибура в науке, несмотря на все нападения, старые и новые, потому-то и остается он до сего времени образцом исторической критики, что, отрицая призрачное, все, что, как показал его критический анализ, построено на песке, он в то же время закладывал прочные основания для нового исторического здания и работал над ним с большим напряжением. Анализ везде у него предшествовал историческому синтезу» (т. I, стр. 18). Дальше Кудрявцев пишет: «Наука не стоит: она постоянно идет вперед, переходя от одного вопроса к другому, иногда даже несколько раз возвращаясь к старым своим задачам и отыскивая им новые, более удовлетворительные разрешения...» (т. I, стр. 19—20). Мы привели эти цитаты, потому что они характерны не только для оценки Нибура русским ученым, но и для взглядов самого Кудрявцева на труд и задачи историка.

В другой большой статье «О современных задачах истории» (т. I, стр. 33—69) П. Н. Кудрявцев вступает в полемику с Т. Н. Грановским в связи с опубликованием актовой речи Грановского «О современном состоянии и значении всеобщей истории» и его же перевода (с дополнениями) письма Эдвардса к А. Тьерри «О физиологических признаках человеческих пород и их отношении к истории»⁴. Эта полемика между

¹ П. Н. Кудрявцев, Соч., т. I, М., 1887, стр. 255.

² Там же, стр. 1—32.

³ «Москвитянин», 1851, I, стр. 97.

⁴ Обе работы впервые напечатаны в 1852 г. См. Т. Н. Грановский, Соч., М., 1900, стр. 13—91.

учителем и учеником чрезвычайно интересна для характеристики взглядов двух виднейших представителей русской исторической науки того времени. В своей известной речи Грановский делает крупный шаг вперед от идеализма к материализму. Данная речь Грановского, равно как и записи его последних университетских курсов, свидетельствуют о том, что этот передовой для своего времени историк пытался освободиться от идеалистических философско-исторических концепций и приблизиться к реалистическому пониманию исторического процесса. Стремясь найти закономерность во взаимодействии природы и человека, Грановский говорил, что «история по необходимости должна выступить из круга наук филолого-юридических, в котором она была так долго заключена, на обширное поприще естественных наук» (Соч., стр. 19).

Типичный историк-романтик П. Н. Кудрявцев не пошел вслед за учителем. Он выступает в защиту художественного элемента в истории и ее «нравственного влияния». Причем и в том и в другом случае он, в известной степени, исходит от античных историков с их взглядами на историю и на ее морально-дидактическое значение. Для П. Н. Кудрявцева была непримлема та форма сближения истории с естествознанием, о которой говорил Грановский. Признавая значение успехов естественных наук и необходимость использования данных естествознания при изучении истории, Кудрявцев, однако, решительно высказывается против того, чтобы «история, вышедшая из тесного круга собственно исторического метода, вступила на поприще естественных наук». И, упоминая далее, что Грановский требует от историков нашего времени физиологических приемов, Кудрявцев восклицает: «...как заставить историю сделаться не тем, что она есть? Как хотеть от нее, чтобы она усвоила приемы, ей несвойственные?» (т. I, стр. 60).

Все же надо сказать, что в этой полемике П. Н. Кудрявцев высказывал ряд правдивых мыслей, не соглашаясь с преувеличением значения естественно-географических условий в истории. Кудрявцев отмечал, что в процессе исторического развития не только природа влияет на человека, но и человек в свою очередь влияет на природу. Здесь он выступал против своего рода «естественно-географического фатализма», имевшего хождение в тогдашней науке¹.

Еще большего внимания заслуживает выступление П. Н. Кудрявцева по модному вопросу о роли рас в истории. Известно, как этот вопрос трактовался французскими историками-романтиками первой половины XIX в. (особенно Огюстом Тьерри² и Амедею Тьерри, и Амедеем Тьерри). Письмо физиолога Эдварда было обращено к Амедею Тьерри, К чести автору истории галлов. Этому письму Кудрявцев уделяет особое внимание. К чести вдумчивого русского ученого надо отнести его решительное выступление против теории устойчивости рас и их влияния на ход истории. Зародыши расистских теорий, впоследствии пыльным цветом расцветшей у немецких фашистов и их теперешних англо-американских преемников и выучеников, были убедительно раскрыты Кудрявцевым. Он подчеркивал, что необходимо изучать народы и народные особенности в связи с теми конкретными условиями, в которых они находились и которые на них влияли. «Если не ошибаемся, — писал он, — то в наше время рядом с требованием естественной или физической основы для истории выросла для нее другая важная задача — определить из исторических событий данного времени существенные черты народного характера, как проявлялись они в самом действии, постепенно образуясь под влиянием исторических обстоятельств» (т. I, стр. 65). Нельзя представить себе неизменную устойчивость «пород»; физиологическими данными нельзя объяснить всю совокупность сложного исторического процесса. «Природа, — говорит Кудрявцев, — вырабатывает из себя те свойства, которыми отличаются одна от другой большие человеческие породы; индивидуальные же особенности народных характеров есть уже дело истории, которая

¹ Характерным образом такого «фатализма» являлась шумевшая статья акад. К. М. Б э р а, О влиянии внешней природы на социальные отношения отдельных народов и историю человечества, 1848.

² Об исторических взглядах О. Тьерри см. новую работу М. А. А л л а т о в а, Политические идеи французской буржуазной историографии XIX века, М.—Л., 1949.

продолжает строить на данной основе, и они накопляются постепенно в течение исторического времени» (т. I, стр. 64).

П. Н. Кудрявцев, высказав в цитированной статье ряд интересных мыслей и острых критических замечаний¹, в то же время во многом стоит на позициях, уже преодоленных Грановским. Один из передовых буржуазных историков своего времени, Кудрявцев все же не мог освободиться от «идеалистической шелухи». Недаром хорошо знавший его В. Г. Белинский в письме от 26 марта 1846 г. (Кудрявцев в это время находился в заграничной командировке) дружески предостерегал его: «Да хранит вас судьба от сифилитического влияния шеллингианства, ниэтицизма [и неметчицны?], это лучше всего»².

Наибольшую популярность среди широких читательских кругов получила книга П. Н. Кудрявцева «Римские женщины. Исторические рассказы по Тациту», вышедшая впервые в 1856 г. и затем не раз переиздававшаяся. Книга о римских женщинах, посвященная памяти Т. Н. Грановского, имеет научно-популярный, даже полубеллетристический характер. Здесь Кудрявцев-историк отдает большую дань Кудрявцеву-беллетристу. В пяти «рассказах» автор очень ярко и красочно повествует об Агриппине Старшей и Мессалине, Агриппине Младшей, Пуппее Сабине, Октавии и, несколько неожиданно, о Нероне. В основном все изложение построено на «Анналах» Тацита; некоторые дополнения взяты из Светония и Диона Кассия. Кудрявцев очень подробно и талантливо изображает всех этих «героинь» эпохи раннего принципата, останавливаясь на деталях, на имевших тогда хождение рассказах, «творимых легендах» сплетнях, анекдотах, слухах и т. п. Довольно неожиданным представляется признание артистических способностей Нерона. Вообще странное включение Нерона в галерею римских женщин можно объяснить интересом Кудрявцева к психологическому анализу исторических личностей. И с этой точки зрения овеянная легендами личность Нерона не могла не привлечь его внимания. Однако и здесь Кудрявцев не дает какого-либо исследования.

Следует особо отметить преклонение Кудрявцева перед Тацитом. Никаких сомнений в достоверности, никакой критики творений римского историка Кудрявцев не допускает. С подлинным полемическим задором он пишет: «Праздно и нетрезво всякое слово, — кому бы то оно ни принадлежало -- усиливающееся заподозрить его (Тацита. — И. Б.) добросовестность как историка и смешать его с толпою неблагонамеренных говорунов своего времени. Тацитовы „Летописи“ навсегда останутся великим уроком человечеству... В творениях Тацита история впервые поднялась на степень высшего нравственного трибунала над отжившими ее деятелями... Наконец, несравненное искусство автора сообщило собранному им материалу такую жизнь, что само завистливое время бессильно стереть яркую печать ее, пока существуют хоть разорванные части Тацитовых произведений»³. Это высказывание Кудрявцева интересно не только для характеристики его собственных историографических взглядов, но и для определения того исключительного влияния, какое мог оказывать знаменитый римский историк на последующую историческую науку. В изображении ранней империи многое восходит к Тациту и от Тацита исходит.

«Римские женщины» пользовались большим успехом и широко читались. Следует отметить очень сочувственный отзыв Н. Г. Чернышевского. Знаменитый критик на страницах «Современника» за 1856 г. дал высокую оценку этой книги: «Мы не имеем нужды повторять теперь единогласного мнения о мастерских рассказах г. Кудрявцева, которые живо передают читателям трагические судьбы последнего поколения

¹ Н. Г. Чернышевский, строгий и требовательный критик, называет «прекрасным» разбор письма Эдвардса и речи Грановского П. Н. Кудрявцевым (Н. Г. Чернышевский, Соч., т. III, М., 1947, стр. 366).

² «Литературное наследство», т. 55, В. Г. Белинский, т. I, М., 1948, стр. 427.

³ П. Н. Кудрявцев, Римские женщины, М., 1856, стр. IV.

цезарей и в то же время прекрасно знакомят с знаменитым историком начала римской империи»¹.

В отличие от книги о римских женщинах, ставившей цели научной популяризации, сугубо специальный характер носит большая статья П. Н. Кудрявцева «Древнейшая римская история по исследованию Шwegлера», напечатанная в нескольких книжках журнала «Отечественные записки» за 1854 г. (т. I, стр. 99—238). Здесь уже нет и следа Кудрявцева-беллетриста, если не считать вообще присущего ему приподнятого и несколько вычурного стиля. Проф. В. П. Герье правильно характеризует Кудрявцева: «Одаренный в известной степени беллетристическим талантом, как видно из его повестей, с живым чувством красоты по отношению к художественным произведениям, он мог, вместе с тем, с совершенно бенедиктинским терпением углубляться в изучение самых мелких фактов, самых скудных эпох и вопросов»². Огромная статья научно-исследовательского характера, свидетельствующая о большой эрудиции автора и самостоятельности его суждений, далеко выходит за пределы критического разбора первого тома известного труда тюбингенского профессора Адольфа Шwegлера «Römische Geschichte». П. Н. Кудрявцев в этой статье широко привлекает источники и работы многих исследователей, подвергая их подробному анализу. Прежде всего он отдает должную дань Нибуру, разрушившему многие легендарные представления и поставившему задачи подлинно-научного изучения римской истории. Особо останавливается Кудрявцев на неудачных попытках немецких историков Герлаха и Бахофена («Geschichte der Römer») «обновить прежнее воззрение на римскую историю». Он очень резко высмеивает претензии этих авторов безоговорочно признавать достоверность событий и лиц до-царского и царского периодов, да к тому же еще и модернизировать их. Касаясь вопроса об источниках, Кудрявцев подробно анализирует данные римской традиции. Очень много места в статье отведено сложнейшему и до сих пор во многом не решенному вопросу о древнейшем населении Италии. При этом надо учесть, что Кудрявцев писал в то время, когда еще только разворачивались археологические раскопки на Апеннинском полуострове и только вводились в оборот данные языкознания.

Статья русского ученого, прекрасно ориентировавшегося во всей литературе предмета, очень интересна для характеристики современного ему состояния запутанного вопроса об этногении Апеннинского полуострова³. Здесь автор опять начинает с весьма сурового критического разбора «Истории римлян» Герлаха и Бахофена, а также особой работы Герлаха «Die älteste Bevölkerung Italiens», в которых авторы берут на веру легендарные свидетельства древних писателей. Кудрявцев убедительно доказывает всю неосновательность основного построения Герлаха, слепо следующего за Дионисием, по которому «три древних народа, сикулы, пеласги и аборигены, поочередно сменяются один другим, передавая из рук в руки власть над Италией или, по крайней мере, свое преобладание в ней...» Весьма показательно, — и это подчеркивает русский ученый, — что немецкий историк склонен выводить сикулов «с отдаленного севера, мимоходом даже сделать намек на сродство их с германцами» (т. I, стр. 126). Разбирая вопрос о пеласгах, П. Н. Кудрявцев отрицательно высказывается о гипотезе Нибура и присоединяется к Шwegлеру, отвергающему существование пеласгов как особой народности в Италии. Кудрявцев, однако, отмечает, что Шwegлер не уделил должного внимания аргументации, связанной с изучением памятников материальной культуры. И здесь русский ученый заявляет: «Монументальное свидетельство есть, бесспорно, самое незыблемое». Говоря о так называемых «пеласгических постройках», Кудрявцев указывает, что выражение «пеласгический» надо понимать как технический термин для обозна-

¹ Н. Г. Чернышевский, Соч., т. II, 1918, стр. 583.

² В. И. Герье, П. Н. Кудрявцев в его учено-литературных трудах («Вестник Европы», 1887, октябрь, стр. 597).

³ Эта статья П. Н. Кудрявцева как бы предваряет оригинальные исследования русских ученых, много и плодотворно работавших в области изучения древнейшего прошлого Италии (труды В. И. Модестова, Д. Н. Анучина, И. В. Цветаева, Ю. А. Кулаковского, Е. Г. Кагарова и др.).

чения известной степени строительного искусства (точно так же как и выражение «циклопический»), а вовсе не как показатель принадлежности соответствующих построек народу — пеласгам. Придавая большое значение археологической документации, не учтенной Шwegлером, Кудрявцев в то же время особо останавливается на той роли, которую играют в изучении древнейшего населения Италии данные языкознания. С большим сочувствием говорит Кудрявцев о том, что Шwegлер первым привлек при решении сложных этнических проблем результаты новейших филологических исследований.

П. Н. Кудрявцев, определенно высказывающий большой интерес к проблеме этногенеза и к исторической этнографии древнейших народов, не мог не уделить особого внимания загадочной этрусской проблеме. Он весьма обстоятельно знакомится с тогдашней литературой предмета и, разбирая соответствующие места книги Шwegлера, высказывает собственные соображения. Прежде всего Кудрявцев анализирует дошедшие до нас свидетельства античных авторов — Геродота, Гелланика и Дионисия — и подробно останавливается на отношении к этим данным современных ему историков: Нибура, О. Миллера, Денниса, Герлаха и Бахофена, Тирша, Нейгебаура, М. Коха, Лепсуса и, конечно, Шwegлера. В частности, Кудрявцев критически относится к искусственным и сложным построениям О. Миллера, который пытался комбинировать противоречивые свидетельства; не удовлетворен он также и точкой зрения Нибура, который выводил этрусков (разенов) из Ретических Альп. Разобрав мнения и других авторов, Кудрявцев более подробно останавливается на точке зрения Шwegлера, который считал, что этруски образовались в результате смешения трех различных племен: 1) умбров (первоначального населения), 2) разенов, пришедших позже и 3) греков, заселивших своими колониями берега Этрурии. Русский ученый не согласен с Шwegлером в определении пришельцев — разенов, в которых тот видел тирренских пеласгов. Кудрявцев полагает, что «проще и сообразнее с делом» поставить на их место выходцев из Лидии. Таким образом, Кудрявцев склонен считаться и со свидетельством Геродота. Добросовестный и осторожный в выводах историк, Кудрявцев, однако, оговаривается, что решение вопроса об этрусках зависит от дальнейших успехов научного исследования.

Уделив такое большое внимание древнейшему периоду истории Рима в специальной статье, П. Н. Кудрявцев неожиданно очень краток и скуп, когда он говорит о падении Римской империи, о закате античности в своем известном исследовании «Судьбы Италии от падения Западной римской империи до восстановления ее Карлом Великим» (М., 1850 г.). Всего на 16 из 714 страниц он рассматривает такие сложные вопросы, как «внутреннее разложение римского мира, изменение в характере учреждений, переход от империи к варварскому владычеству». Автор не останавливается здесь на дискуссионных темах, так интересовавших ученых, писавших о причинах падения Римской империи. Кратко охарактеризовав внутреннее разложение империи, Кудрявцев придает большое значение роли войска и его варваризации. В известной степени правильно оценивая военный характер домината, он был совершенно беспомощен объяснить причины создания этой новой формы диктатуры рабовладельцев. Указывая, что сама императорская власть приняла иной характер, автор не объясняет, в чем же заключалось основное отличие домината от принципата. Удивительно, что историк, занимающийся античностью и средневековьем, лишь мимоходом упоминает о колонах, ограничиваясь лишь констатированием факта без всякой попытки его исторического толкования. Необходимо, однако, сказать, что в отличие от этой мало удачной первой главы последующие части исследования¹ представляют весьма значительной научный интерес и являются несомненным достижением русской медиевистики.

Большой статьей «О сочинении Ешевского „Аполлинарий Сидоний“, опубликованной в «Отечественных записках» за 1855 г. (т. I, стр. 239—302), отозвался П. Н. Кудрявцев на появление в свет магистерской диссертации своего ученика С. В. Ешевско-

¹ Мы не останавливаемся на них, так как они трактуют о вопросах истории раннего средневековья.

го¹. Кудрявцев подробно разбирает этот труд выдающегося русского ученого, дает ему лестную оценку и, как мы уже упоминали выше, вполне справедливо подчеркивает превосходство в трактовке ряда основных вопросов перед трудами зарубежных ученых. Но по ряду пунктов у него имеются расхождения с учеником. Он не согласен со слишком суровой и, по его мнению, несколько противоречивой оценкой Аполлинария Сидония, данной Ешевским. Кудрявцев считает неправильным видеть в Аполлинарии Сидонии представителя «старческого бессилия и в то же время детства, в которое впадают иногда отживающие люди и народы». Приводя исторические свидетельства о галлах, начиная с Юлия Цезаря и кончая Григорием Турским, Кудрявцев не находит основания присоединиться к пессимизму Ешевского. И, переходя непосредственно к Аполлинарию Сидонию, он так пишет о нем: «Он перестал быть для нас представителем одного старческого упадка сил и изнеможения; поискав, мы, может быть, найдем в нем признаки другого детства, того, который каждый народ необходимо переживает в начале своего развития» (т. I, стр. 268). По мнению Кудрявцева, внимание Ешевского больше устремлено «на усиливающиеся признаки падения старого порядка, чем зародыши нового, и первое постоянно играет более значительную роль в его выводах, чем последнее». Здесь Кудрявцев делает серьезное возражение Ешевскому в том, что он часто теряет из виду «зарождение нового порядка на основании других народностей» (т. I, стр. 275).

История Греции, повидимому, меньше привлекала внимание П. Н. Кудрявцева. В его научном наследии имеется лишь одна статья — «Последнее время греческой независимости», опубликованная в «Прописях» за 1852 г. (т. I, стр. 70—98)² и представляющая разбор магистерской диссертации одного из учеников Грановского — П. К. Бабста «Государственные мужи древней Греции в эпоху ее разложения» (М., 1851 г.). На это исследование Т. Н. Грановский откликнулся краткой, очень сочувственной рецензией³. П. Н. Кудрявцев посвятил рассмотрению книги Бабста целую статью. Отметив положительные стороны работы, Кудрявцев по целому ряду вопросов расходится с автором. Он решительно высказывается против попыток Бабста сравнивать эпоху упадка древней Греции со временем падения Римской империи. Полемицирует Кудрявцев с Бабстом и по вопросу о македонском завоевании, которое Кудрявцев признавал «катастрофой», и об отношении к нему политических деятелей древней Греции. Кудрявцев считает совершенно неправильными требования, предъявляемые Бабстом к политическим деятелям IV в. до н. э. с точки зрения последующей истории Греции. Само возвышение Македонии и ее выступление на историческую авансцену Кудрявцев приписывает исключительно личности Филиппа. Не соглашаясь с Бабстом в оценке Демосфена и Эсхина, Кудрявцев склонен излишне идеализировать Демосфена и слишком сурово относиться к его политическому противнику.

Заслуживает внимания трактовка Кудрявцевым гегемонии Фив. Полемицируя с Бабстом и с господствующей в историографии точкой зрения на фиванскую, так называемую третью гегемонию, как аналогичную афинской и спартанской, П. Н. Кудрявцев считает, что временный Фиванский союз, созданный для сокрушения спартанского владычества, ни по внешним, ни по внутренним условиям не был гегемонией, подобной афинской и спартанской⁴. П. Н. Кудрявцев совершенно правильно отмечает

¹ С. В. Ешевский, К. С. Аполлинарий Сидоний. Эпизод из литературной и политической истории Галлии V века, М., 1855 г.

² Что касается статьи Кудрявцева об «Эдипе царе» Софокла (т. I, стр. 545—579), то она представляет опыт художественно-литературного анализа знаменитой трагедии.

³ Т. Н. Грановский, Соч., стр. 505—510.

⁴ Этот взгляд Кудрявцева на фиванскую гегемонию вызвал критические замечания акад. В. П. Бузескула (В. П. Бузескул, Всеобщая история и ее представители в России в XIX и в начале XX века, ч. I, Л., 1929, стр. 73—74).

те разделы книги Бабста, в которых тот говорит о Фессалии и об исторической роли греческих наемников. Прекрасная характеристика наемничества в Греции IV в., данная Бабстом, положительно оценена и Грановским и Кудрявцевым.

Курсы лекций по истории древнего мира (да и по другим отделам всеобщей истории), читанные П. Н. Кудрявцевым в Московском университете, не были опубликованы. До нас дошли лишь немногие воспоминания университетских слушателей, дающие некоторое представление о Кудрявцеве как преподавателе. Пишущему эти строки лично пришлось слышать самые восторженные отзывы проф. П. И. Стороженко, проф. В. И. Герье и М. П. Щепкина о лекциях П. Н. Кудрявцева и об отношении к нему студенчества. В. И. Герье в цитированной нами статье подробно описывает впечатление, производимое чтением курса по истории древнего Востока в 1854/55 уч. г.: «Курс Кудрявцева был отражением этого нового, горячего интереса к древнему Востоку, овладевшего наукой, и передавал слушателям одушевление, возбуждаемое в исследователях вновь открытою колеблемою человеческой цивилизации. Новейшая история была тогда запретным плодом в наших университетах, но едва ли студенты стали бы слушать с большим вниманием рассказ о событиях 48 года, чем то, с которым они прислушались на лекциях Кудрявцева к истории фараонов, только что вышедших из своих гробниц на свет науки, или к новому истолкованию родословной народов в книге Бытия. Несмотря на свою сухость, этот последний предмет имел для студентов особенно заманчивый, таинственный интерес. Это была первая попытка на их глазах связать в одно священную и мирскую историю, ввести в область первой твердые научные приемы и одухотворить сухую летопись о завоеваниях и падении восточных государств великими вопросами о происхождении человека и его религиозных идеалов. Здесь, кажется, нужно искать главную причину глубокого впечатления, которое производил этот курс Кудрявцева»¹. Эти воспоминания В. И. Герье весьма примечательны в своем роде. Они свидетельствуют о том, как Кудрявцев мастерски сумел обобщить в своем курсе по истории древнего Востока результаты замечательных открытий в области изучения древнейших культур Передней Азии и Египта. Немалой смелостью в то время было применение научного анализа к библейским данным, что так увлекло студентов. Другой ближайший ученик Кудрявцева С. В. Ешевский, вспоминая о курсе Кудрявцева, посвященном «последним временам языческого мира, первым начаткам христианско-европейского общества», также очень высоко оценивает содержание лекций.

Несколько иной характер имеют воспоминания другого видного представителя русской буржуазной исторической науки акад. К. Н. Бестужева-Рюмина, охарактеризовавшего лекции Кудрявцева по позднему средневековью в своей статье об Ешевском. В представлении Бестужева-Рюмина, Кудрявцев — романтик по натуре, склонный к риторике. Его главное внимание привлекало выяснение и истолкование психологии отдельных человеческих личностей. «Вообще за очерками лиц и развитием мысли, — пишет Бестужев-Рюмин, — терялись у него политические и общественные отношения»². В то же время Бестужев-Рюмин особо отмечает чрезвычайно тонкий разбор Кудрявцевым трактуемых вопросов. Эта трезвая, лишенная привкуса посмертного славословия оценка лекций Кудрявцева заслуживает большого внимания.

П. Н. Кудрявцев занимает определенное место в истории развития русской исторической науки. О нем и об его трудах, с одной стороны, обычно говорили в том приподнятом, лирически-сентиментальном тоне, к какому обычно прибегали либеральные буржуазные историки при характеристике «людей 40-х гг.», а с другой — изображали его только проводником западных идей, якобы всецело находившимся под влиянием зарубежных научных авторитетов. Такой подход, конечно, неправилен. Наследство русской буржуазной дореволюционной историографии мы должны осваивать критически. В. И. Ленин говорил, что марксисты «...хранят наследство не так, как ар-

¹ «Вестник Европы» 1887, сентябрь, стр. 147 сл.

² К. Б е с т у ж е в - Р ю м и н, Биографии и характеристики, СПб., 1882, стр. 293.

хивариусы хранят старую бумагу. Хранить наследство—вовсе не значит еще ограничиваться наследством...»¹. И теперь, на расстоянии почти столетнего отрезка времени, Кудрявцева можно рассматривать в историческом аспекте, без всяких «творимых легенд». П. Н. Кудрявцев является типичным представителем романтизма в историографии, причем романтизма эпохи его заката. Однако П. Н. Кудрявцев примыкал к либеральному романтическому направлению, и реакционная школа немецких историков-романтиков с их националистическими тенденциями не оказала на него влияния. По своим философско-историческим взглядам Кудрявцев стоял на идеалистических позициях и по сравнению с Грановским делал шаг назад. Дружеские предостережения В. Г. Белинского не оказали, повидимому, должного действия. Широко эрудированный, вдумчивый и серьезный ученый, он вполне самостоятельно подходил к решению ряда исторических проблем и критически оценивал тогдашнюю зарубежную историческую науку. Многие его высказывания и соображения представляют несомненный интерес.

Если в области изучения древней истории П. Н. Кудрявцев и не оставил таких крупных исследований, как в области медиевистики, то все же его значительное и интересное антиковедческое наследство, ярко характеризующее состояние историографии в 40—50-х гг. прошлого столетия, должно быть принято во внимание и должно найти свое место в истории русской исторической науки по античному миру.

Проф. И. Н. Бороздин

К. MAJEWSKI, Importy rzymskie na ziemiach słowiańskich, Вроцлав, 1949 (в серии: «Prace Wrocławskiego Towarzystwa Naukowego», Seria A, № 13)

Вопрос о торговых связях Рима и римских провинций с древнеславянскими племенами, а вместе с тем вопрос о роли этих связей в процессе социально-экономического и культурного развития указанных племен затрагивают важные стороны древней истории славянства. Однако, несмотря на имеющийся в наличии большой фактический (главным образом, археологический) материал, который прямым образом относится к указанным выше вопросам, до сих пор никем не было сделано попытки свести воедино этот обильный и очень разнообразный, но в то же время сильно разрозненный, разпыленный материал с тем, чтобы на основе полной его сводки сделать широкие исторические выводы.

Указанный пробел восполнен теперь выходом в свет капитальной работы, специально посвященной вопросу о торговых связях ранних славян с Римской империей. Книга эта, изданная в «Трудах Вроцлавского научного общества», принадлежит перу одного из виднейших археологов современной народно-демократической Польши — Казимшу Маевскому.

В предисловии к своему труду автор указывает, что он в течение многих лет работал над сбором сведений о находках привозных римских изделий на территориях, которые в первые века нашей эры были заселены славянскими племенами. Наиболее полно ему удалось охватить соответствующий археологический материал, относящийся к Польше. Работа о римских импортных вещах, обнаруженных на территории Польши, была закончена К. Маевским еще до начала второй мировой войны, но опубликовать эту работу автору тогда не удалось². Позднее (в 1939—1941 гг.) К. Маевский продолжил свои штудии, в результате им была написана работа «Римский импорт на территории западных областей Украины».

¹ В. И. Ленин, Соч., т. 2, стр. 494.

² Было лишь напечатано краткое резюме работы, см.: Sprawozdania Towarzystwa Naukowego we Lwowie, XVIII, 3, 1938, стр. 264—267.